УДК 1(4/9)

В.И. Красиков**РУССКИЙ И АМЕРИКАНСКИЙ СТРОЙ СОЗНАНИЯ: ОТ БЫТА
К МЫШЛЕНИЮ¹**

Обсуждаются культурные различия двух крупнейших стран Нового и Старого Света. Материалами предлагаемых рассуждений послужили как свидетельства эмигрантов россиян, так и собственные авторские впечатления от пребывания в США. Задача статьи – корреляция «этоса» и «логоса», бытовых ментальных различий, обусловленных предшествующей историей, – с последующими мыслительно-категориальными отличиями, реализующими себя в национальных философских традициях.

Ключевые слова: этос, ментальность, коллективизм, индивидуализм, культурные различия.

Трудно найти людей, столь различных, как россияне и американцы. Обычно само сопоставление идет по оси коренных русских и WASP (белые англосаксы-протестанты), несмотря на полиэтнический, поликонфессиональный состав людей, населяющих и Россию, и Америку. И это верно, ибо не взирая на плюралистичность обычаев и верований, в российском и американском культурно-плавильных котлах общих «бульон» (или «этос»), в котором плавятся различные этноконфессиональные ингредиенты, составляют все же русские (по духу, не «по крови») и WASP. Даже нерусские в России – от этнических территорий внутри ее до мигрантов, равно как и многочисленные общины черных американцев, латинос, азиатов и пр. в Америке – прожив некоторое время в метрополиях, начинают, волей-неволей, хотя бы отчасти, вести себя по общей культурной матрице, вполне добровольно стремясь идентифицироваться с гражданской идентичностью России или Америки. Только в указанном контексте и можно рассуждать о наличии некоего общего строя сознания «русских» и «американцев», постоянно помня об его относительности.

Материалами предлагаемых рассуждений послужили как свидетельства эмигрантов россиян, так и собственные авторские впечатления от пребывания в США. Их задача – установить корреляции «этоса» и «логоса», бытовых ментальных различий, обусловленных, по-видимому, предшествующей историей – с уже последующими мыслительно-категориальными отличиями, реализующими себя в национальных философских традициях.

Изначальные, стартовые исторические различия в ментальной эволюции России и Америки довольно существенны. Россия сформировалась на базе этноса, имеющего здесь «от века» «землю и кровь», посредством его территориальной экспансии на восток и юг. Россию создала территория и душа ее – в тенетах ее просторов. Природно-органическое коллективистическое

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения научно-исследовательского проекта РГНФ № 09-03-00189-а/Р.

начало всего массива этноса, симбиоз с номадами, восточное ортодоксальное христианство – базовые исторические реалии складывания российского этоса и логоса.

Америка формировалась благодаря усилиям эмигрантов – отцов-основателей, порвавших природно-органические связи с «землей и кровью», предпринявших беспрецедентный подвиг нового основания, экспансии в поисках земли обетованной. Америку создало «дело», идеалистический проект и душа ее – в узилище ее практики. Беспочвенные индивидуалисты-маргиналы, симбиоз со всеми людьми «длиной воли» разных стран и весей, религиозные диссиденты всевозможных мастей – исходные основополагающие факты, определяющие американский менталитет и философию.

Подобные разные исходные основания, наряду с, несомненно, общим: обширностью территорий, духом экспансии и первооткрывательства, верой в собственную избранность и открытостью – породили разительно отличные строи психики и сознания, стили мышления и философские оценки мира.

Культурные оппозиции, разделяющие наши отношения к миру, порождены, по-видимому, разностью самих культурных «текстур», их составляющих. Сами текстуры культурных сред сложились в течение последних веков: пяти – на Западе после Реформации и трёх веков в России после Петра. Причем итоги не столь одноплоскостные, как о том зачастую вещает культурологическо-социологическо-политологическая братия. С одной стороны, действительно, вначале мы видим формирующийся под влиянием протестантизма матерый индивидуализм. Однако затем идет тотальное «замирение» первоначально «дикой» конкурентной¹ среды – законом и правом, уздой «меры» (Аристотель). Индивидуалистическая активность получает строго регламентируемые рамки своего проявления – и деловая активность, и бытовое поведение обставлены многочисленными регуляторами.

Что, начиная со стоиков, признавалось основной причиной срывов и проблем в отношениях между людьми? Правильно, неконтролируемая эмоциональность и вмешательство в дела других. Идеал полной индивидуальной свободы требует максимальной автономии и сдерживания желания влезть туда, куда вас не просят. На том-то и строятся и деловая практика, и быт американцев. Все эмоционально-экзистенциальное, т.е. по сути «персональное», держи внутри себя (или же, если повезет, в отношениях с партнером), а в бизнесе и в бытовом общении с окружающими – соблюдай предписания отстраненной ровности, (полит)корректности, причем такой интенсивности нивелирования, которая превосходит любые ранговые коллективистические порядки. Культурно изначальный индивидуализм «протестантской цивилизации», будучи проведенным полно и последовательно – в условиях, близких к идеально-экспериментальным (с чистого листа и без возможных коллективистических контрреволюций), – порождает безликость, нейтралитет, господство прагматизма, мелкотемье, бескрылость и пр. И подобные культуры называют «низкоконтекстными», «полнезависимыми», где должны присутст-

¹ «Исследования показывают, что протестанты составляют 40% американского населения». Рокмор Т. Социальные противоречия, глобализация и события 9/11 // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов: Научно-теоретический журнал. 2010. № 1(5). С. 54.

вовать большая прямота и детальность, логичность и целенаправленность в использовании коммуникативных средств? Но мы видим обратное – контекст и поле представляют здесь четко регламентируемую среду, жестко управляемую законами и местными обычаями, манипулирующую людьми-марионетками. Последние не имеют возможностей выразить, реализовать свой индивидуалистический потенциал яркости, необычности, поскольку находимы под угрозой отторжения средой тотально-правового нивелирования: веди себя как все – возможно более ровно и бесстрашно¹. И получается, что именно в тотально-правовых средах индивидуалистических обществ «протестантского разлива», а не в коммунистических тоталитарных практиках², происходит появление автоматизированных функциональных единиц, регулируемых и управляемых средой: Ман экзистенциалистов, одномерного общества Маркузе и пр. Если в античности «средний класс» Аристотеля формировал себя сам, руководствуясь воспитательным воздействием «меры» (и не в последнюю очередь под влиянием аристотеликов), то в обществе экономической целесообразности сама среда «умерила», обкорнала человека. Разумеется, отдушины для неординарной индивидуальности все же есть и здесь: в виде шоу-бизнеса, маргинальных культур, практик политического радикализма.

С другой стороны, как бы сохраняющееся в России «засилье» коллективистических начал. Однако и тут происходит не то, чего требует культурологическая схема. Высококонтекстная, полезависимая культура, держащаяся на постоянно поддерживаемом неформальном консенсусе, доминировании непрямого взаимодействия, намеках и предположениях, выводных знаниях, к которой во многом относят российскую, напротив, породила в XIX–XX вв. индивидуализм даже более мощный, чем в *alma mater* Западной Европы.

Разумеется, общая среда в России оставалась долгое время крестьянско-коллективистичной, однако индивидуальность все же появилась – и не только в своей социально-естественной нише аристократии, – но и в итоге вестернизационных усилий послепетровских властей как проект «интеллигенции». Суровое внешнее давление на личность, жестко ранговое общество, пресс традиций дают неожиданный для Азии эффект – формируют индивидуальные микрокосмы великой литературы XIX в., анархизм и экзистенциализм русской философии (Розанов, Шестов, Бердяев). Причем именно «высококонтекстная» среда и эзопов язык коммуникаций этих столетий создают развитую сложность и мыслительную изощренность индивидуальности, а не нивелируют ее. Все потому, что индивид в России не держит все это в себе, как в культуре американской, обрушивая периодически свое нереализованное его на психоаналитика, а выплескивает «все свое персональное» на окружающих ближних своих, пребывая, взаимообразно, в потоках таких же излиятий других. Среда нервная, взрывная, но она только и рождает нашу экзи-

¹ Антиутопии сверхрационализированных обществ, искореняющих эмоциональность, – довольно популярной сюжет голливудских блокбастеров, представляя собой проецирование-гиперболу настоящего обстояния дел.

² Здесь сохраняется господство неписаного (телефонного) права, договоренностей и византийских интриг, а личность, соответственно, гибкая, многомерная и иезуитски-подвижная.

сте-нацию (термин М. Эпштейна)¹. Отсюда инвариант «русских» качеств – отсутствие ограничителей или сдерживающих тенденций – «меры» Аристотеля: щедрость и расхлябанность, хлебосољство и удаль, свинство и задушность, полюсная картина мира.

Таким образом, именно среды и определяют характер культурных оппозиций. Рассмотрим некоторые из них.

Оппозиция «деловитость – созерцательность» характеризует общий настрой основных, т.е. значимо-самодеятельных, массивов людей в Америке и России, вполне понятно, что есть свои Обломы не только у нас², и Форды – не только у них.

Волю к труду, к преуспеянию и дух свободной конкуренции Дж. Сантаяна называл тремя основными чертами американизма [3]. «Деловитость» означает исходную жизнеобразующую ориентацию на деятельность, делание, проявляющуюся даже в некоторой машинообразности, упрощенности жизненного спектра – монохронизме, выполнении действий по очереди, концентрируясь только на одном, не отвлекаясь в данный момент на второстепенное либо другое. Вряд ли это способствует воображению, столь свойственному созерцательности или же универсализму а la Цезарь, способному, как известно, заниматься одновременно несколькими разными делами, но вот практичности и эффективности – вне всякого сомнения. Американский писатель Йелл Ричмонд, который был культурным атташе в России, так характеризует эту разность культурных качеств: «Русские могут целый день дискутировать по поводу некоей проблемы, но так и не предпринять никаких действий по ее разрешению, в то время как американцы, прежде всего, проанализируют проблему с практической точки зрения: детально рассмотрят, что конкретно мешает ее решить и как эти препятствия преодолеть... Русские могут сидеть всю ночь, попивая чаек, дискутируя и рефлексирова, в то время как американцы потратят это время на то, чтобы подготовиться к тому, что они должны делать завтра... Русские больше расположены к созерцанию, американцы – к деловитости» [2].

Однако хотя у нас и существует такое ласкательное выражение, как «лень-матушка», оно не столь сильно отличимо от отмечаемых европейцами аналогичных качеств людей «Востока»: сидеть весь день и попивать вино (Кавказ), чай (Средняя Азия) или же кумыс (степняки). Здесь это не только не зазорно, но и вполне рационально для этих обществ, имеющих вполне отработанные веками рациональные практики, коррелированные с местными климатическо-хозяйственными особенностями. То же и в России. Суровость климатических условий имеет прямое каузальное воздействие на эффективность единственного возможного для поддержания в таких широтах вида хозяйственной деятельности в рамках традиционного общества – земледелия. Последнее в природных реалиях собственно Центральной России (Нечерноземье) исконно было возможно как рискованное скудное земледелие. Здесь же, на исконно русских землях, сложился и этнос с соответствующим мента-

¹ О первородном экзистенциализме русского духа впервые сказал Николай Бердяев. См.: Бердяев Н.А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. С. 255.

² Живущие вот уже поколениями на государственные пособия, в отличие от нашего Обломова, жившего за счет оброка.

литетом. Здесь по объективным причинам «силы плодородия» почв нерационально вкладывать много труда – отдачи больше, чем исторически известная мера, все равно не будет. Интенсификация усилий сверх некоей, эмпирически найденной опытом поколений нормы вложения сил, отложившейся в виде «традиции», здесь именно нерациональна. Здесь рациональны не методически размеренная организация, а «ударный труд» лишь в строго соответствующие благоприятные (и необходимые) периоды и безделье в остальное время, время непролазной грязи и лютой стужи. Систематичность и обилие трудовых затрат (как, к примеру, у немцев или китайцев) не дают результатов, соразмерных вкладываемому. Либо стабильно непредсказуемый климат, либо лихие люди из Великой степи делали нерациональными любые трудовые затраты сверх необходимых. Так сложилась своеобразная наша рациональность: «рационально то, что минимизирует усилия и ведет к тем же результатам при сохранении сил в данном контексте выживания». Знаменитые русские расхлябанность и «авось» – это не есть выражение «природной лениности русского мужика». Это, если хотите, выражение некоего русского культурно-исторического «априори» или своего рода «опережающего отражения» (суперрациональность). Нежелание «пожизненно горбатиться» проистекает из особо развитой рефлексивности – умения перед процессом деятельности прикинуть его затраты, риски и результаты, их возможную последующую судьбу. И это скорее «коллективная рефлексивность»: знание, сценарии, «философия русской жизни», представленные в культурно-образовательном комплексе сказок, притч, песен, анекдотов, пословиц, составляющих среду инкультурации. По обдумыванию, пониманию, интуитивному прикидыванию затрат и результатов, процессов добывания благ и жизненного финиша как такового русский человек, сызмальства впитывающий национальную «философию жизни» и воспроизводящий потому древние адаптации, древние решения-ответы на тотальную непредсказуемость и рискованность существования, делает важное для себя экзистенциальное вопрошание: «И зачем все это надо?» Это ценностно-рациональное отношение к повседневному труду (работа не волк, она дураков любит, от нее кони дохнут) и алкание целей высоких, которые в свое время дали большевики, вызвавшие тем самым настоящий пассионарный имперский толчок.

Оппозиция *«эмоциональная холодность – сердечность, самообнажение»*. Вполне очевидно, что они – следствия предельной рационализированности, индивидуализирования в протестантской среде и социальности, коммюнитарности – в евразийской. Эмоциональная холодность кажется таковой лишь людям, воспитанным практикой постоянного соучастия и ограниченного приватного пространства. На деле – это лишь социально-естественные защитные средства сохранения своей автономии, органичного стремления к независимости, когда излишняя опека и услуги переживаются как навязывание чужой воли и насильственное вовлечение человека в круг чужих интересов. Настаивание, навязчивость вообще считаются весьма невежливым и трудно переносятся американцами, в отличие от нас, где так же естественно и ожидаемо упрашивание, лицемерно-вежливые отказы и финальное, убажывающее обе стороны согласие. Игнорирование для американцев есть повод

быстро выйти из конфликтной ситуации, нас же это приводит в еще большее ожесточение: «Ах, я для тебя ничто? Ну, вот сейчас я тебе покажу!»

Русские сильно отличаются в отношении открытости, гостеприимства, надежности в общении. Однако, с другой стороны, это порождает и тягостные последствия отсутствия дистанции. Русский человек способен выворачивать свою душу первому встречному, равно как и вторгаться в чужую, не признавая условностей. Часто смешивается мысль и личность другого человека (переход на личности). Русские считают себя вправе нравственно судить других, но и себя легко чувствуют грешниками, из многих народов они более всех склонны к покаянию, мазохизму и охаиванию (очернению своего прошлого).

Оппозиция *«борьба за приоритет, ориентация на успех – стремление смягчить конкуренцию, ориентация на "отношения"»*. В любой разновидности человеческого общества идет борьба между отдельными людьми и группами за приоритет и блага, равно как заключаются союзы и коалиции – органичное продолжение внутривидовой конкуренции за ресурсы, территорию и репродукцию, равно как и альтруизма-социальности. Разные культурные среды создают, однако, разные условия и формы для осуществления этой борьбы. И тут ситуации складываются, опять-таки, часто парадоксальным образом, не укладывающимся в принятые культурные стереотипы. *Внешне – одно, по сути – другое.*

Так из индивидуализма западного образа жизни должен бы следовать «дикий капитализм с хищным оскалом эгоизма и жестокой конкуренции», однако мы видим тотально «замиренную» законами и полицией среду улыбок, политеса и политкорректности. Есть, конечно, и здесь преступность и хамство, но в отношении первого – надо знать, где нельзя бывать (этнические гетто, определенное время суток и пр.), второго – относимо, снова, к маргиналам, париям, вновь прибывшим. В остальном Америка – комфортная и спокойная страна, о чем на все лады говорят наши соотечественники, и что я могу также и самолично засвидетельствовать. Правда, эти спокойствие и комфорт имеют изнанку в виде абсолютной предсказуемости, пресности и скуки, что ж, за все надобно платить свою цену. И тем не менее здесь действительно наличествует высокая конкуренция, и ты отвечаешь полностью сам за себя, никто тебе не поможет, кроме близких родственников, да и те, если ты американец и WASP, дают тебе такую автономию, которая нами принимается скорее за небольшой интерес к своей персоне. Соревновательность и прямо-таки культивируемая вера в самого себя (self-estimation) сидят внутри каждого, комплименты, поощрения и награды не разбрасываемы просто так, а добываются «агрессивностью», т.е. напором, активностью и трудолюбием, высоко ценимы, являются предметом гордости одних и зависти других. Внешне же царят спокойствие, корректность и благолепие, прерываемые, правда, все более частыми спонтанными вспышками жестокости массовых убийств-расстрелов в студенческих кампусах или же на городских улицах.

Наши коллективистичность и стремление смягчения конкуренции также не видны невооруженным глазом. Напротив, и посторонний наблюдатель, и человек нашей культуры не раз сталкиваются с противоположным на улицах и в «учреждениях»: никто не обращает ни на кого внимания, неулыбчивые

озлобленные лица, повсеместное хамство и хулиганство. Для аборигенов ситуация вполне по обыкновению ординарная, поскольку все они одеты в невидимую «легкую броню» привычности жизни в подобной среде, а вот впечатления для туристов и впервые приехавших из-за рубежа не очень приятные и прямо-таки разочаровывают. Но это продолжается для вторых недолго. После того как они обзаводятся русскими друзьями и знакомыми по месту жительства, начинается обратное – любовь к России как вторая фаза знакомства с ней. Внешне неблагоприятная среда внутренне оказывается не только комфортной, но и эмоционально-теплой, с мощными поддерживающими структурами. Она щадит чувства людей, смягчает конфликты, дает уют и уверенность в будущем всем ее участникам. Однако это среда, требующая знания своих неписаных неформальных правил и чувств большинства.

Она не однородна и санирована, как среда WASP, являя собой некое множество друзей, родственников, знакомых, связанных с вами отношениями взаимных обязанностей разной степени эмоциональной интенсивности, постоянно воспроизводящееся в общении и услугах, взаимоподдерживаемое символическими дарообменами. Вы реально зависите от них, их оценка вам не безразлична. Это среда личных контактов, людей, которых вы знаете, и чем меньше поселение, тем она устойчивее и компактнее. Понятно, что в современных российских мегаполисах эти микросреды – островки эмоционального уюта и предсказуемости в морях анонимности и отчуждения, но благодаря их конгруэнтности отдельный индивид может с успехом перемещаться между ними, оказываясь комфортно и на «чужих» островках. Разумеется, есть подобные множества и в Америке, но они не играют там такой выдающейся роли источника и носителя действительного, фактического права и морали, как у нас. Поступать «по-человечески», «по совести», «по понятиям», «разруливать» конфликтные ситуации – таковы основные функции лично-значимой среды у нас, в отличие от американцев, у которых среда формально-законническая. Лично-значимая среда – всегда некий взаимонастроенный живой организм, существующий за счет взаимооткрытости, взаимоуступок, некой обоюдной жалостливости друг к другу. Она требует недопущения конкуренции, зависти, пресечения их на корню. Это проявляется в нашей реакции на комплимент, когда мы в ответ стремимся как-то преуменьшить возникающий вследствие комплимента эффект неравенства: «хороший у вас костюм, прекрасно выглядите, блестящая работа – да он не совсем хорош, да что вы, я сегодня не выспался, работа могла бы быть и лучше и т.п.». Значение подобных реакций ретуширования – не дать почувствовать себя обделенным человеку, которому у вас что-то понравилось, т.е. он как бы вас приподнял, а вы опять опускаетесь рядом с ним, приуменьшив комплимент, и все рады. Это глубоко укорененная боязнь возникновения зависти к успеху равного в коллективистичной культуре, боязнь «сглаза».

Таким образом, и у нас мы видим также обратное: внеправовая, «диконеокультуренная» среда оказывается внутри на редкость тихой и благостной, цепеняще-болотистой – сковывающей конкуренцию и выставление оригинальности. Но она, принадлежа к коллективистскому типу среды (архетипом которой является мифосознание) и ориентируясь на собственное сохранение, трансляцию и поэтизацию, легализует вместе с тем и «право на неординар-

ность» («паровой клапан», трикстеры) в его варварских формах пьянства, хамства, разнузданности-удали – отсюда особая роль у нас имманентного хулиганско-блатного слоя культуры.

Оппозиция *«оптимистической иллюзии свободы – отрешенности фатализма»* проистекает, похоже, опять-таки из различия религиозно-культурных корней русских и американцев (WASP). В религиозной эволюции обеих культур случились эксклюзивные метаморфозы в понимании отношений Бога и человека, приведшие к появлению разных метафизических оценок положения человека в сущем и его перспектив. Эксклюзивность в том, что они наиболее явственно и обнаженно представлены именно в протестантской и православной культурах. Общность эксклюзивна – в схожести характера метаморфоз – как очеловечивания идеи трансцендентного в этих культурах или, выражаясь метафорически, *присвоении* человеком абсолютного, разность – в характере присвоения и его результатах.

В протестантизме, после веков скомпрометировавшего себя католического посредничества в сношениях с Всевышним, вновь родилось прямое личностное, обостренно-интимное отношение человека к Богу, свойственное ранним христианам (Павел, Аврелий Августин). Религиозные диссиденты, оказавшиеся в Америке в труднейших условиях пионерского освоения и борьбы за новые формы общежития, в поисках прочного метафизического тыла для себя, еще более упрочили привилегированность своего общения с трансцендентным. Бог всегда в нас и с нами, утверждали Павел и Августин, у американских же протестантов это максимализировалось в индивидуалистическом присвоении абсолютного, трансцендентного, во включении его в человеческую повседневность.

Причем эта ситуация отлична от европейского человекобожия а la Ницше, у которого новое трансцендирование вызревает в старом человечестве, дабы превзойти его – как с приходом Христа должен был бы исчезнуть «ветхий Адам» (чего, увы, как известно, все-таки не случилось). Европейцы, таким образом, всей своей историей «крови и почвы» не могут пересечь священную границу трансцендентного, и у них «сверхчеловек» или будущий человекобог – более дерзновенный порыв в будущее, идеал самопревозмогания. Американцы, будучи оторваны от традиций и мифов своей земли, опьяненные, особенно со второго поколения, свободой, бескрайностью новой земли и возможностями самореализации, стали ощущать присутствие божества в себе, поощряемое визионерскими пристрастиями своих радикальных конфессий. Но божество это как-то сжалось, десакрализовалось, опривычнилось, стало элементом быта, обстановки. Дистанция между мирским и священным, богом и человеком стерлась – к тому мифологическому состоянию, когда их отделяла только количественная грань и отношения стали свойскими и чуть ли панибратскими: ты – мне, я – тебе¹. Отсюда примелькавшийся образ разных сделок с богом в американской литературе и кинематографе.

¹ Ведущему к возвращению в сугубо естественный мир, лишенный высших инстанций и метафизических перспектив. Так, у северных народов: если деревянный истукан хорошо «помогает» в охоте и быту, губы его мажут салом. Если нормальный ход событий начинает давать сбой – его могут высечь, совсем плохой оборот событий приводит к радикальному пересмотру отношений с таким плохим богом – его могут сжечь и выстругать нового.

Низ, подвал десакрализации: выражения типа «срань Господня» и рок-н-ролл, рэп как элементы церковной проповеди. «Вершины» подобного американского человекобожия – нарциссический наив мормонов, не ограничивающихся банальным обещанием личного бессмертия. Сверхнаграда – место локального божества на какой-либо из многочисленных планет вселенной.

Подобное упрощенное человекобожие и является метафизической «подкладкой» известного американского оптимизма и ощущения перманентного счастья: мы – образ и подобие Создателя, потому и жизнь должна быть счастливой – это норма. А если что-то не заладилось, это вовсе не норма, об этом стыдно говорить и это нужно как можно быстрее преодолеть, спрятать. Непременна установка на то, что все вокруг хорошо, за исключением того, что скоро будет еще лучше. Самое ценное, что у тебя есть, – ты сам. Лейтмотивы-заклинания: уважай себя, люби себя, цени себя. Нация человекобогов, к коей относима системообразующая часть американского суперэтнуса (те же WASP), – избрана по определению, а ветхозаветно-пророческие мотивы о новых «детях Сиона» – общий паттерн американского мышления и риторики.

Их «легкость бытия» оказывается полной поглощенностью мирскими делами или деловитостью (бизнесом), жизнью в ближнем прицеле, в окрест лежащей перспективе. Главное – не останавливаться, не заикливаться на неприятных вещах и самой неприятной из них – смерти. Как можно меньше парализующих волю к действию сомнений. И это на самом деле облегчает существование. Оно у них, в отличие от нас, приобретает смысл не тогда, когда сталкивается со смертью, а когда реализуется в целеполаганиях и ожиданиях лучшего будущего. Это, соответственно, предполагает самореализацию в смысловом пространстве, очищенном от деструктивного воздействия смерти: «смысл жизни в ней самой». «Проклятые» вопросы, как и метафизические предложения, лишены смысла, они всего лишь человеческие жалобы. Таким образом, когда трансцендентное стало элементом повседневного, смерть, как и бог, утрачивают свои смыслогенерирующие интенции.

Хороши ли оптимизм и самоуважение? Да, весьма привлекательны, особенно для несчастных, разорванных, постоянно рефлексирующих русских. Однако, при некоторой зависти, мало кто из них захочет обменять свои садомазохистские ценности на жизненную легкость наших американских визави. К тому же известно и продолжение сих достоинств – «легкомыслие» американцев, их самодовольство и самовлюбленность и пр.

Метаморфоза «коллективистического» присвоения абсолюта, идеи трансцендентного – эксклюзивно в России – также произошла в рамках религиозной мутации – традиции активного, деятельностного восточного христианства, которая, в отличие от протестантизма в западном христианстве, не вступала в открытую конфронтацию с мейнстримом. Стороны терпели друг друга: цезаристская, стяжающая официальная Православная церковь и неконформистское бесребренническое духовное направление, представленное так называемыми «старцами». Начало неконформистской традиции – в меньшинстве «евангельских безумцев», которые не захотели плыть по течению и сообразоваться с веком сим. Считаая источным началом всех соблазнов и грехов самолюбие и самоутверждение человека вне его сыновней связи с Богом, древние монахи оставляли мир. Они брали на себя три главных обета: нестя-

жательства, целомудрия и послушания. Византийский тип монастыря основывался на совершенной обособленности от мира, внутри которого утвердился особый тип подвижнического руководства старца и двух-трех его учеников. Причем авторитетность старческого суждения не была определена никакими соборами, но утверждалась на большом общецерковном уважении. Заметим, что здесь главными целями были индивидуальные практики спасения по модели «учитель–ученик», весьма сходные с подобными же восточными: брахманистскими и буддистскими.

Новое старчество – не с индивидуальным, а «широким», т.е. общественным, коллективистичным уклоном, появляется в России. Наши старцы имели гораздо больший кругозор, говорили и писали о духовной жизни в условиях обыкновенного русского мирского быта, даже определяя свою долю в служении всему человечеству. В Оптиной пустыни целые корпуса построили для приезжающих к старцам мирян, и старцы от зари до зари принимали их, отдавая лишь вечера своей братии [4]. Где-то с половины XIX в. к старчеству обратилось внимание и образованных слоев общества. Неожиданные и яркие имена из созвездия интеллектуалов замелькали в пустынях и скитах, у келий духовных вождей монашества: Гоголь, Хомяков, Киреевский, Достоевский, Толстой, Вл. Соловьев, потом лидеры классики «русской религиозной философии» (Бердяев, Булгаков, Флоренский и многие другие). Вот тогда-то и произошло соединение неконформных православных, почти народных, начал с ментальностью интеллектуалов, конструировавших тогда основы русской литературы, языка, контуры российского миропонимания, «русской идеи». Пришедшая чуть позже «новоиудейская» мессианская идеология марксистского коммунизма хорошо резонировала с соборностью русской идеи и лишь поменяла внешние символы уже сформировавшегося содержания.

Приватизация трансцендентного была осуществлена в концептуализациях «соборности» и «богочеловечества»: Бог наш и с нами. Однако дистанция между ними сохраняется, ибо трансцендентное остается в коллективистском ведении некой общей духовной общности, не локализованной не религиозно-институционально (церковь, соборы) и не в сакральных пространствах (Палестина, Греция, Византия, Россия). Этот род магической общности характерен для Передней Азии (пророческие религии, гностики, зороастризм, митраизм, ислам и др.), где «человек со своим духовным бытием является лишь *составной частью пневматического Мы*, которое, спускаясь с небес на каждого, остается всегда одним и тем же. Телом и душой он принадлежит только самому себе, но в нем живет еще нечто другое, чуждое и более высокое, и поэтому он ощущает себя со всеми своими воззрениями и убеждениями только членом консенсуса, который благодаря Божьему духу исключает любую ошибку, но в то же время и не дает ему возможности проявить свое Я, утверждающее ценности» [5. С. 301].

Таким образом, русская вариация «восточной субстанциальности» в большей степени «исчервлена» недозрелым индивидуализмом, так и не ставшим социально-органичным: представленным либо в подавленно-рецессивном состоянии страдания и вечного недовольства собой, либо в атеистическом бунте радикального нигилизма. Славянофилы и их последователи создали новые, в терминологии немецкой философской романтики, во-

площения этого народно-религиозного духа в мифологемах: «Россия – большой монастырь, здесь духовно становятся чище. Русский – страдалец, скиталец, скиталец духа; но страдание здесь не самоцель, через него входят в мир Добра и Правды, обретают высшую Радость. И смерть здесь не помеха, а помощница (смертушка). Основные принципы жизни – соборность и жертвенность: человек живет не для-себя и в-себя, а из-себя и для-других. И несмотря на внешнюю замкнутость и угрюмость, душа русского человека всегда открыта, да так открыта, что способна объять весь мир в глубинном акте любви и сострадания» [6].

Счастье у нас состояние особое, не повседневное, но временно доступное лишь на жизненных вершинах. Отрешенность фатализма – не пессимизм, как то часто склонны называть, а особое темпоральное переживание того «я», что заключено в пещеру «пневматического Мы». Это противоречивое ощущение мощи и бессилия: с одной стороны, ты – часть общей силы, массы-соборности, но с другой – никчемность и тщета индивидуальности. Отсюда тайная исподняя любовь русских к империи, Целому, гармонии и одновременно мучительство от невозможности самому стать этим Всем – идеалом я-самореализации в нашем типе сознания. Причем все это обзревается в величественных перспективах горизонта смертности-трансцендентности, который и объемлет собой наше замкнутое духовное пространство, делая его величественно-трагическим, шемяще-ностальгическим и метафизически-самодостаточным. Все эти имманентно-екклизианские мотивы (мазохизм и тотальное сомнение, сумеречный мессианизм и радостный фатализм) воплощены у национального пророка «русской души» Ф.М. Достоевского. Понятно, что неуютно и страшно представителям другого строя сознания в столь замкнутой и угрюмой системе координат духа, несмотря на наши пылкие заверения в своей особой душевной глубине и невероятной любви.

Вот из этих культурных разностей и вырастает разная логика миропонимания, ибо философия есть не что иное, как концептуальная рефлексия над основами своей же культуры. Разность строя сознания американцев и русских порождает и разность стилей философствования. Вместе с тем имеются и некие общие моменты, как и назидательные для нас сюжеты в развитии американской философии, преуспевшей в экспансии на мировые философские рынки во второй половине XX в.

Итак, об общем. Начинали и американская, и русская философия одинаково: как насквозь провинциальные, но с универсалистскими притязаниями, как ориентированные на интеллектуальный импорт, но и с завышенными амбициями. Восприимчивость к иному, открытость к приходящим извне идеям роднят их. Америка, как и Россия, в отношении заимствований из философской Мекки – Европы всеядна. Здесь быстро и охотно прививаются, подхватываются и развиваются самые разнообразные положения европейских мыслителей. Отсюда те терпимость и плюрализм в философии, которые царят и в Америке, и в России, зачастую одинаково переходящие в откровенный эклектицизм, ничуть, однако, не смущающий ни тех ни других. Однако духовная несамостоятельность и американцев, и русских продолжалась до определенного рубежа, времени «основания» или «золотого века», которые были практически синхронны в обеих странах: вторая половина XIX – первая треть

XX в., когда в Америке появляется плеяда «отцов-основателей»: Пирс, Ройс, Джемс, Дьюи, Сантаяна, Уайтхед; в России же мы видим титанизм формирования отечественной души и мысли Достоевским, Толстым и Вл. Соловьевым, закрепленный традицией «русской религиозной философии». Общим можно признать и мощные идеологические вторжения извне во вновь сложившиеся «философские королевства» во втором – третьем десятилетии XX в.: марксизма в России и неопозитивизма в США. Диаметрально разным, однако, был их итог: смена правящей династии в первом случае и некий союз-компромисс – во втором. Вот со времени «оснований» и началось преобладание различий над схожестью.

Все более давало себя знать фундаментальное различие наших ментальных систем: «аналитической тонкости, практичности американского ума и синтетических наклонностей, мистической одаренности русской души» [7], возникших вследствие разных степеней рационализации и индивидуализации.

Американский дискурс западноевропейского происхождения с его «логоцентризмом» и «древообразностью»: «Для американцев важно линейное движение мысли, сухое, обильное фактами, логическими переходами, но лишённое экспрессивного богатства, стилистических разработок, музыкальных тем... По-русски мы привыкли одно и то же вдалбливать, повторять по нескольку раз, у нас такое спиральное движение мысли, занос на повторах, вариации» [8]. Недостаточный по временным-цивилизационным меркам культурного опыта работы со словом, с понятиями привел к преобладанию образа, картины над словом. «Эта «картинность» русского дискурса делает его близким литературе и одновременно далеким от терминологической философии. Русская философия возникает и существует как вид литературы. И в этом смысле она отдаёт предпочтение не языку исследования, а языку повествования» [9].

Для объяснения этого придется опять применить метафору разницы цивилизационного возраста Запада (в данном случае его филиала – Америки) и России, на которую указывают многие (Н. Бердяев, Б. Вышеславцев и др.). Подверглись ли Галлия и Британия интенсивной латинизации в течение нескольких веков? Факт. Возникли варварские христианские королевства практически на полтысячелетия ранее государственности на Руси и инициации ее «осевой религией»? Очевидно. Была Россия в изоляции три столетия ордынского ига и затем два века до Петра? Также бесспорно. В итоге Запад имеет почти на тысячелетие более длительный опыт развития в контексте городской жизни, политическо-правовой истории, христианства и метафизики. Америка в цивилизационном отношении амбивалентна: по складу людей, ее основавших и постоянно обновляющих ее состав, она – «западная» индивидуалистическая и рационалистическая страна, но по жизненному стилю «экспериментирования» – она романтична и иррациональна. Россия, стартовав лишь в X в., претерпевая постоянные разрывы в последовательности своей суверенности и отвлечение ресурсов на «брань и распри», имеет в итоге индивидуализированное в малой степени, слабо рационализированное сознание. Зато романтизма и иррационализма – хоть отбавляй.

Основные признаки американской мысли сложились под определяющим влиянием автохтонной классики – прагматизма: экспериментирование как

особое мироотношение; изменение или «принятие всерьез времени» – идей развития; релевантность или селекция тех или иных идей в соответствии с принципом активизма, насколько они стоящи для практического разрешения проблемных ситуаций [10].

Отечественная мысль по этим параметрам – антипод американской. Она озабочена не практическим решением конкретных проблемных ситуаций, а своего рода философским максимализмом, выражающимся в требованиях, поисках последних и окончательных решений. Также не знал того конкретного времени, которое имеют в виду феноменологи и прагматисты, и наш отечественный философский мейнстрим – с его склонностью к метаисторицизму, метафизике и диалектике абсолюта.

От Джемса и Дьюи американская мысль усвоила идиосинкразию к монистичному и «абсолютистскому» толкованию бытия и предпочтение образа мира как открытой системы, не поддающейся жесткой схематизации [11. С. 125]. Напротив, господствовавшая у нас в течение XX в. философская традиция – будь то в виде «русской религиозной философии» или же «советского марксизма» – основывалась именно на монизме (идеалистическом либо материалистическом) и воинственном утверждении правоты своих догм-схем.

Все же одними различиями в менталитете невозможно объяснить разность путей развития американской и русской философии. Властно вмешалась в их эволюцию и история. В Америке XIX в., одной из наиболее развитых демократий того времени (несмотря на рабство на Юге), философия с самого своего старта не была ничем иным, как одним из видов профессиональной интеллектуальной деятельности, не связанным с идеологией и политикой. Мессианистские притязания романтической и иррациональной составляющей американского духа всегда выражали (и выражают) политики и идеологи. Иное дело в абсолютистской и крепостнической России, где философия вкупе с литературой стала единственно возможной освободительной идеологией, насыщенной к тому же высоким этическим пафосом. Революционный дискурс принял форму метафизического радикализма «русской идеи»: «всемирно-исторической миссии» одухотворения природы, учреждения совершенного общества и сотворчества с Богом.

До недавнего времени философия, как и литература, оказывала реальное осязаемое воздействие на нас. Достаточно вспомнить 60-е или же 80-е годы XX столетия. Нация имела вкус к метафизическим вещам, а русские споры до зари и хрипоты были неотъемлемым элементом нашей повседневности. В Америке же, в силу указанных выше причин, непосредственного влияния американской философии на американское общество не было и нет. Здесь она – достаточно тонкая академическая прослойка, не продукт массового спроса. Ею интересуется, прежде всего, американская элита, публика же приучена довольствоваться популярным фрейдизмом [12].

Современное состояние американской философии сложилось после очередной мощной волны интеллектуального импорта из Европы. И если ранее американцы сами привозили новые идеи из Европы, что ослабляло их воздействие вследствие неизбежной доместикации идей самими американцами, то в 30–40-е годы в Америку пожаловали сами европейские философы, твор-

цы-харизматики, и их приезд ознаменовал важные изменения. Прежде всего, следует сказать, что приехали, спасаясь от коричневой чумы и военных катаклизмов, не только неопозитивисты, но и европейские левые, франкфуртцы (Хоркхаймер и Маркузе). Однако именно первые привезли новую «благую весть» для американских философов. Почему последние оказались столь восприимчивы к неопозитивизму? Существовали важные точки взаимного резонанса: верификация, анализ конкретных проблем знака и значения, активизм и практицизм. То же обстоятельство, что прибывшие были в авангарде формализации и математизации современного научного знания, сразу сделало их кумирами академической молодежи. Это вынудило автохтонного классика Дьюи пойти на сближение со вновь прибывшими звездами, осуществить серию интеллектуальных маневров по сближению и согласованию позиций [13]. И уже к началу 60-х позитивистская революция в Америке победоносно завершена. «Куайн в Гарварде, Рейхенбах в университете Лос-Анджелеса, Карнап в Чикаго, Фейгль в Миннесоте, Гемпель в Принстоне... А самые влиятельные преподаватели в Беркли находились под влиянием Мориса Шлика, читавшего здесь в 1930-е лекции в течение одного семестра» [14]. Союз прагматизма и европейского логического позитивизма и породил непохожее на родителей дитя – аналитическую философию. Наиболее влиятельные факультеты в университетах США те, в которых каждый год защищается большая часть диссертаций: Гарвард, Принстон, Питтсбург, Лос-Анджелесский, Нью-Йоркский, Чикагский университеты, Беркли, Колумбия, Стэнфорд, Дюк, Корнелл, университеты Мичигана и Северной Каролины – в подавляющем большинстве обучение ведется в аналитическом ключе. В последнее время, правда, была предпринята попытка атаки местных постмодернистов и новых романтиков на мейнстрим, однако ощутимых результатов или поворота интеллектуального внимания в их сторону пока не наблюдается.

Россия пережила также новое интеллектуальное вторжение в 90-х годах XX в., связанное с крахом советской системы и его легитимации – идеологического марксизма. На профессиональных философов, в львиной своей части преподавателей философии в российских вузах, обрушился «девятый вал» новых публикаций: русской эмигрантской философии и западной философии последних семидесяти лет. Никто с Запада, однако, так и не приехал – потому наша философская братия с трудом, но все же переварила все это – на свой лад, частично изменившись, правда, под влиянием усвоенных ингредиентов. Ярко выраженный мейнстрим отсутствует, однако установился «нормальный» плюрализм, включающий в себя: марксизм (ортодоксальный и «критический»), «философию науки» («новый когнитивизм»), русский постмодернизм (философия языка), религиозную философию («неославянофильство») и ряд более мелких фракций.

Итак, «этос» и «логос» имеют явные корреляции, а «определенный образ философии одновременен... с определенным образом народов, среди которых она выступает, с их государственным устройством и формой правления, с их нравственностью, с их общественной жизнью, с их сноровками, привычками и удобствами жизни, с их попытками и работами в области искусства и науки, с их религиями, с их военными судьбами и внешними отношениями...» [15. С. 110–111].

Литература

1. Жолковский А. Автор – персонаж, и из самых уязвимых // Еврейское слово. 2005. № 32 (255). <http://www.e-slovo.ru>
2. Никонов А. Культурный шок. Интервью. <http://www.razgovor.org/interviu/article560/>
3. Супоницкая И.М. Успех и удача: отношение к труду в американском и российском обществе // Вопросы философии. 2003. № 5.
4. Экземплярский В.И. Старчество. <http://rus-sky.com/history/library/varnava/exempl.htm>
5. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. Мн.: ООО «Попурри», 1999.
6. Варавя В. Россия и Америка – два пути преодоления смерти. <http://www.pereplet.ru/text/varava2.html>
7. Эпштейн М. Амероссия. Двукультурие и свобода. Речь при получении премии «Liberty» // Звезда. 2001. № 7. <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/7/epsh.html>
8. Интервью Семенкова В.Е. с Михаилом Наумовичем Эпштейном, 23 июня 2005 года. <http://credonew.ru/content/view/524/31/>
9. Гиренок Ф.И. Советский дискурс. http://www.hrono.ru/libris/lib_g/gir_sprache.html
10. Two Centuries of Philosophy in America / Ed. by Caws P. L. Oxford, 1980.
11. Юлина Н.С. Очерки по философии в США. XX век. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
12. Крылов К. Песнь победителя. К десятилетию выхода в свет книги Ричарда Маккея Рорти «Обретая нашу страну». <http://www.apn.ru/publications/article19285.htm>
13. Веретенников А. Университетская философия в США: история нейтрализации // Россия мыслящая. История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009.
14. Интервью с С. Кэвеллом // Вопросы философии. 2001. № 12.
15. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. М., 1994.